

Б.А. Осипян*

«РУССКАЯ ПРАВДА» КАК ПЕРВОИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА

Ключевые слова: Русская Правда, традиционный дух русского права, суд, правосудие, христианство

Дохристианскими образцами иностранных источников русского права были международные соглашения и договоры, которые были заключены древними русами с православными греками в X в.: соответственно в 907, 911, 912, 945 и 971 гг. Так, например, по договору, или «фяду»¹ 907 г., который заключил «показующе победу» князь Олег, греки согласно заключённому мирному договору обязывались платить дань Руси, устраивать русским купцам ночлег и питание в течение одного месяца. Русские же обязывались жить компактно в одном предместье и входить в город только через одни ворота. В свою очередь, русский князь обязывался запретить своим людям «да не творити пакостей» в стране Греческой. Другие договоры по-разному упорядочивали отношения в сфере уголовного и гражданского права, определяли способы возмещения ущерба потерпевшей стороне в случаях совершения убийства, причинения телесного повреждения, кражи и т.д. со ссылкой, как на греческий закон, так и на обычаи и «закон русский». Примечательно то, что законно предусмотренной высшей

© Осипян Б.А., 2011

* Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. [artos5@mail.ru]

¹ Слово «изрядный» означает то, что не оговорено положениями договора, т.е. внедоговорный, необычный, исключительный.

целью заключённого между русским князем Игорем и греками договора 945 г. стало христианское «обновление ветхого мира»².

После принятия христианства в 988 г. Киевская Русь восприняла усложнённую систему канонов православного вероучения и нравов, которые существенно отличались от языческих обычаев, и в понятии «закон» уже закладывались измерения несравненно высокого уровня и порядка: духовного и нравственного. Княжеская «Правда» уже воспринималась как составная часть высшей справедливости – высшего Божественного закона, как воля Самого Господа Бога, переданная через его помазанника и наместника на земле – великого князя русского³. Эта «Правда», или Право, по выражению В.И. Даля, уже представляло собой образ дельной истины, блага, добродетели, красоты, справедливости, суда и правосудия⁴.

Изначально греческое понятие «закон» или «канон» на Руси был введено в оборот ещё в языческие времена и по смыслу первоначально обозначало сложившийся обычай. В «Повести временных лет» отмечалось, что поляне имели «обычаи законы отец своих и каждо свой нрав»⁵. В договорах Руси с Византией и другими странами имеется ссылка на «закон русов», «обычай и предания отцов»⁶. Благодаря своей открытости Древняя Русь впитала в себя наиболее ценное в культуре восточных и западных народов и обогатила ими свои благородные традиции⁷. О духовности и святости русского закона, например, свидетельствует тот факт, что на заре истории русского государства традиционной нормой права было «крёстное целование» договаривающихся сторон для подтверждения взаимного согласия и своих добрых намерений. Традиционной также была норма права, признающая в качестве законного только церковный брак, который записывался в метрическую книгу того или иного церковного прихода. Русское законодательство обязывало православных супругов всегда жить вместе и в согласии, любить и уважать друг друга как собственную душу и тело, всячески помогать и защищать друг друга во всех радостях и печалях жизни. Православная русская жена должна была быть кроткой и повиноваться своему мужу как главе семейства, благоговейно почитать его богоданный

² Цечоев В.К., Власов В.И. История отечественного государства и права. Ростов-н/Д, 2003. С. 145.

³ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 8.

⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь. Т. 3. М., 1955. С. 379.

⁵ Повесть временных лет. М., 1953. С. 14.

⁶ См.: Rogov В.А. «Закон» и «обычай» в древнерусской правовой терминологии // Ежегодник истории права и правоведения. Вып 2. М., 2002. С. 79.

См. также: Степанов Ю. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 436.

⁷ См.: Лихачёв Д.С. Величие древнерусской литературы // Памятники литературы Древней Руси. XI–XII в. М., 1978. С. 14.

статус старшинства, пребывать в «неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома»⁸.

Основы христианского мировоззрения и государственно-правовой идеологии в общем были изложены митрополитом Иларионом ещё в XI в. в его «Слове о законе и благодати», которое было своеобразным противопоставлением обожествлённой букве иудейского закона⁹. В своей рукописи святитель Иларион говорил о противоестественной и омерзительной неблагодарности иудействующих законников, которые, объявляя нашего Спасителя обманщиком, сыном блудницы и творящим чудеса силою Вельзевула, до смерти замучили Его на кресте. Летописец Иларион также рассказывает о том, как «не влюбивша света», иудеи периодически «избивали камнями своих пророков» и, наконец, были разбиты римлянами «до основания»¹⁰. В конце своего «Слова» митрополит Иларион делает вывод о том, что хотя закон был Богом дан евреям, он был дан не как догма, неправомерно понимаемая сугубо по-иудейски, недуховно, узко и национально ограничено, плотски, тщеславно и своекорыстно, но для снискания Божественной благодати, предназначенной в равной и полной мере для каждого богообразного и богоподобного человека и для всех народов мира.

В своём «Слове о законе и благодати» в 1049 г. киевский митрополит Иларион предначертал чудесное и упорядочивающее действие неизменного христианского духа права и правды, который был воспринят русским народом уже более полувека назад. В этом смысле все последующие искажения¹¹ неизменного духа русского права, которые происходили на разных этапах развития правосудия и государственности России, представляются существенными отклонения от истинной веры, правды и надлежащего образа жизни. Изначально русские люди по наитию воспринимали Христову благодать как ответственную свободу, а нахождение под законом и вынужденное исполнение положения закона почитали за рабство. Вероятно, отсюда и произошла последующая нелюбовь русских людей ко всяким надлежащим или произвольным запретам или ограничениям, которые установлены в законодательстве вопреки их естественному мировосприятию. Как это ни парадоксально, но верному, духовно образованному и доб-

⁸ Статья 107 Свода Законов Гражданских // Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. Т. X.

⁹ См.: *Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia*. № 32. Прага, 1963.

См. также: *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и великая степь. М., 2008. С. 238–240.

¹⁰ См.: *Гумилёв Л.Н.* Указ. соч. С. 238–240.

¹¹ Имеется в виду вредное влияние, оказываемое на Русь иудео-хазарами, монголо-татарами, всякого рода язычниками или псевдорелигиозными фанатичными суеверами, которые в разных обликах, церковных санах и должностях действовали внутри самой Русской православной церкви и государства.

ропорядочному русскому человеку закон не нужен, так как он в каждой конкретной ситуации готов поступить лучше предписаний убивающей буквы закона. В то же время установленный закон ему вовсе не помеха, если его душа искренне очень желает чего-то, противного требованиям закона. Тем не менее Сам Христос предупреждает всех верных и послушных Ему людей: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон и пророков; не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Евангелие от Матфея, 5:17).

Одним из составных источников русско-христианского права был Устав князя Владимира Святославовича – первокрестителя языческой Руси. Согласно его Уставу духовная (церковная) власть и светская (государственная) власть при всём своём принципиально-целевом единстве получили чёткое разграничение ежедневно выполняемых ими функций. Статьи 3, 5, 6 и 7 Устава запрещали князьям и боярам произвольно вмешиваться в церковные дела. Русская церковь была вправе получать десятую долю («церковную десятину») всех торговых, судебных и иных доходов, иметь независимый от государства свой церковный суд, который имел исключительное право рассматривать дела всех воцерковлённых христиан, вдов, сирот, инвалидов, особенно дела по богохульству, ереси, колдовству, чародейству, ворожбе, изнасиловании, супружеской неверности, разводам, семейным конфликтам, актам гражданского состояния, нотариальной регистрации наследства и т.п. Христианская русская церковь требовала, чтобы духовные грамоты (завещания) начинались с исповеди наследодателя и составлялись в присутствии православного священника и семи добросовестных свидетелей¹².

В соответствии со ст. 3, 8 и 9 Устава учреждалась система митрополичьих и церковных людей вокруг престола митрополита в столичном граде Киеве, а также устанавливалась исключительная подсудность некоторых наиболее важных дел, рассматриваемых непосредственно самим митрополитом¹³. Идеи, власть и великий почин у своего отца Владимира Святославовича впоследствии унаследовал его сын Ярослав, прозванный Мудрым за свои поистине мудрые инициативы в развитии русской государственности и права. В небольшом по своему объёму и содержанию Уставе князя Ярослава Владимировича (Мудрого), содержащем в себе тридцать пять статей, помимо ответственности за нарушение положений Устава, закреплялись также правовые санкции и душеспасительные наказания – епитимия в виде церковного покаяния и штрафов. Согласно этому Уставу в юрисдикцию духовной власти церкви входило рассмотрение всех преступлений против имени и образа Бога и христианской нравственности русского народа: изнасилование, блуд, двоеженство, сквернословие и нецензурная брань, драки, побои и даже кражи и поджоги. Так же, как и Устав отца – князя Владимира, Устав Ярослава предусматривал церковно-судебное

¹² См.: *Лихачёв Д.С.* Указ. соч. С. 127.

¹³ См.: *Цечоев В.К., Власов В.И.* Указ. соч. С. 145–146.

рассмотрение всех подобных споров во всех тех случаях, когда одной из сторон являлся верующий или иной находящийся под преимущественно церковным влиянием человек.

Надо подчеркнуть, что основными источниками права и законодательства Киевской Руси были смешанное с язычеством непосредственно действующее христианское правосознание, обычное право, судебная практика, а также соответствующие духу русского права иностранные правовые заимствования, особенно в области семейно-брачных отношений, уголовного и торгового права. По русскому праву конца X века, право собственности на землю подразделялось на церковное и государственное, хотя вся территория Руси признавалась коллективной собственностью великокняжеского рода Рюриковичей. Все правящие русские князья имели свои домены¹⁴, долю своих доходов и публичной власти. В то время действовало право наследственного перехода княжеских владений в собственность «младших» князей. Однако время от времени между представителями великокняжеского рода, естественно, возникали споры и междоусобицы, которые приводили к опустошению и саморазорению русских земель.

В этой связи в 1097 г. в городе Любече был созван княжеский съезд, который завершился мирным согласием русских князей о том, что «каждый да держит отчину свою» и передаёт «княжество отцов» своих наследным князьям. Отсюда происходит понятие «вотчинного права» на Руси. Есть основания предположить то, что на основе этого узаконенного права была впоследствии образована система наместничества и «кормления». По вотчинному праву все свободное городское или сельское население вотчины, способное платить налог князю, получило название «люди». Зависимое от князя служилое население Руси стало именоваться «смердами». Сословие вотчинных слуг подразделялось на «челядь», которая состояла из рабов на услужении и «холопов», которые прежде, будучи рабами-земледельцами, впоследствии были уважительно названы «крестьянами», исходя из их религиозной принадлежности. По свидетельству русского историка С.Г. Пушкарёва, со времён татарского ига сельские землепашцы назывались «хрестянами», или «крестьянами»¹⁵. Таким образом сельские «христиане» стали именоваться русскими «крестьянами». Те свободные русские «люди», которые по той или иной причине попали в материальную зависимость за неуплаченные долги, попадали в полузависимое положение «закупов», которые для восстановления своего бывшего статуса независимых «людей» вынуждены были работать на кредитора до полного возмещения ему суммы своего долга.

Важным источником древнерусского права стал также «Изборник» 1076 г., который был составлен во время княжения в Киеве сына Ярослава Мудрого Святослава. Он состоял из разного рода церковно-учительских

¹⁴ Вотчины, княжеские сёла, охотничьи угодья и т.п.

¹⁵ См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. Мн., 2006. С. 58.

сборников, хранившихся в библиотеках киевских князей. «Изборник» 1076 г. представляет собой своеобразную хрестоматию текстов для христианско-нравоучительного чтения, фрагментов сочинений святых отцов и учителей христианской церкви, исторических фактов их жития, а также изречения мудрых людей. Образно говоря, он являлся концептуальной базой для всех последующих источников древнерусского права: Номоканона, «Кормчей книги» («Мерила Праведного», «Русского закона») и, наконец, всем известной «Русской Правды».

Как видим, Древняя Русь в X в. вместе с верой во Спасителя Иисуса Христа восприняла византийско-христианскую каноническую традицию. «Русская Правда», упоминаемая в летописях, была писана в сердцах духовно просвещённых русских людей. Русское право начиналось с формирующегося церковного, или канонического права, составленного в VI в. константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком Номоканона – Свода законодательных правил, собранных из церковных и государственных постановлений. В конце IX в. константинопольский патриарх Фотий в православном духе преобразовал действующие византийские правила законов в два огромных сборника, соответственно на церковные и светские каноны церковной жизни. Затем эти каноны были собраны в одной «Кормчей Книге», переведенной на русский язык с греческого, сербского и болгарского греческими просветителями Кириллом и Мефодием. Именно на основе этих церковных канонов были составлены церковные уставы Владимира-Крестителя, Ярослава Мудрого, правила Владимирского собора 1274 г. и другие первоначальные образцы русского права XI–XIV вв. По мнению митрополита Макария (Булгакова), Устав Владимира представлял собой «опыт русского самостоятельного законотворчества, согласно с духом Номоканона»¹⁶. Князь Владимир в своих уставах установил принцип функционального разделения духовной и светской власти и судов: «Князю, и боярам, и судьям их в те суды нельзя вступатися»¹⁷. Как и в Европе, на Руси каноническое право, разработанное христианской церковью, стало образцом для государственного законотворчества.

«Правда Роськая», или «Русская Правда», как свод законов, была первоначально разработана учёными-монахами греческого происхождения в конце XI и начале XIII вв. и являлась наиболее ярким и выдающимся образцом «закона русского». Первыми русскими законотворцами стали юристы в священнических рясах. Русские священники в атмосфере взаимодействия духовной и светской власти были главными субъектами развития правовой системы русского народа. Церковное право постепенно ограничивало сферу действия древнерусского обычного права, которое имело сугубо языческие корни, сохранившиеся вплоть до начала XX в., т.е. до уста-

¹⁶ Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга вторая. М., 1995. С. 94.

¹⁷ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2009. С. 502.

новления сугубо светской, безбожной большевистской власти в России. В этом контексте «Русская Правда», по сути, стала идейным истоком, воплощением и эпицентром писанного русского права¹⁸. Следует также напомнить, что наряду с «Русской Правдой» о государственно-правовом состоянии Руси свидетельствовала также так называемая Ипатьевская летопись, составленная, по свидетельству историков русского права, в 1119–1195 гг.¹⁹ В содержание пространной версии «Русской Правды», помимо Устава князя Владимира, Суда Ярослава Владимировича, входил также Устав князя Владимира Мономаха²⁰, Устав Черниговского князя Всеволода Олеговича, Устав Святослава Ярославовича, Устав Владимирского князя Всеволода Юрьевича, Слово (Закон Судный) князя Василия и Смоленского князя Ростислава.

Несмотря на то, что все перечисленные «законы русские» принимались различными, но единоверными христианскими князьями, представляющими преимущественно светскую власть, историк В.О. Ключевский видел в «Русской Правде» попытку церковно-законодательной рационализации и кодификации духа русского права, которое подлежало применению представителями духовенства в составе церковного суда. Тем не менее, представляется, что этот соборный русский закон был писан не только для духовных лиц, но также и для остального населения, которое приняло христианскую веру и крещение. По вполне понятным причинам, среди которых уместно было бы назвать не очень развитую духовную грамотность недавно обратившихся из язычества в христианство русских правителей, отсутствие у русского духовенства стойких навыков ведения церковной службы и т.д., первые представители русского духовенства имели иностранное, в основном, греко-армянское происхождение и старались приспособлять русские национально-языческие обычаи к нормам христианско-православной нравственности, непреходящего духа и идеи права. Так начался исторический процесс постепенной христианизации нравственного образа и юридических правил жизни русского народа.

По свидетельству историков, в XI–XII вв. на Руси «монахи имели возможность знать современные события во всей их подробности и приобретать от верных людей сведения о событиях отдалённых»²¹. Иными сло-

¹⁸ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 64–73; История государства и права России (в документах и материалах). С древнейших времён по 1930 г. Мн., 2005. С. 9–21.

¹⁹ См.: Хрестоматия по истории Белоруссии. Мн., 1977. С. 14–17; Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962. С. 286–445.

²⁰ Любопытно заметить, что личным врачом русского князя Владимира Мономаха был армянин, который для исцеления князя рекомендовал ему четырёхдневный пост и молитвенный покой (см.: Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н.К. Гудзий. М., 1938. С. 127–129).

²¹ *Пушкарёв С.Г.* Указ. соч. С. 34.

вами, первыми русскими историками и журналистами были русские монахи и другие духовные лица, к которым приходили князья, бояре, воеводы и простые воины для молитвы перед началом всякого предприятия или военного похода с целью получить благословение и выразить благодарность Господу Богу. Духовные лица нередко были также секретарями и послами князей, а епископы и игумены были их советниками и даже доверенными лицами, представлявшими их дела адвокатами.

Со времён «Русской Правды» на Руси отдельные слои населения отличались друг от друга в зависимости от их социального влияния, богатства и организованной вокруг себя силы: «лучшие» назывались «боярами», «простая чадь» называлась «смердами» или просто «людьми». Однако при действии христианского духа «Русской Правды» хозяин несвободного человека или «закупа» мог побить зависимого от него человека только «про дело», т.е. имея на то основание; он не мог по своему произволу сделать из него раба или обидеть «без вины», иначе закуп мог обратиться к защите княжеского суда. В самом низу социальной иерархии находились «холопы», или «челяди», которые обслуживали княжеские и боярские дворы и могли быть вывезены за границу и проданы там произвольно. Холопы происходили из пленных или из купленных рабов, либо из тех людей, которые попали в долговую яму, либо женились на рабе и сами стали прислугой без заключения договора. Хозяева распоряжались трудом и даже жизнью холопов по своему усмотрению, хотя русская церковь значительно смягчала такие жестокие проявления в обществе. Некоторые инициативные рабы с разрешения их хозяев обладали своим имуществом, помогали своим господам в занятии торговлей или даже выполняли функции по управлению хозяйством в качестве дворецких – «тиунов». Многие верующие в Иисуса Христа хозяева перед смертью или по завещанию отпускали на волю своих холопов, как рабов Божиих, либо оставляли их в распоряжении русской церкви «по душе». Вместе с перечисленными сословиями русских людей существовало также сословие духовных или церковных людей, которое жило особняком, управлялось церковными иерархами и подлежало церковной юрисдикции²².

Русское право по своему духу изначально было христианским правом, которое сознавалось, законодательно признавалось и применялось по Образу Господа и Спасителя нашего и всех людей мира – Иисуса Христа. Оно, по своей сути, было верным путём, надлежащим образом мировосприятия и повседневной жизни, который, с одной стороны, способствовал поддержанию стабильного национального правопорядка (основное временное, историческое измерение идеи права), и, с другой стороны, направлял стопы каждого русского человека к царству Бога, к благодатному спа-

²² См.: *Пушкарёв С.Г.* Указ. соч. С. 59.

сению от зла в жизни вечной (основное вневременное, сущностное измерение идеи права)²³.

На это прямо указывает достаточное количество существенных мировоззренческих преобразований, нравственно-бытовых превращений (трансформаций), которые произошли в сознательной и организованной жизни русских людей. Величайшие и наилучшие преобразования стали происходить не только в их общем мировоззрении, в правосознании, в обычаях и в бытовой жизни, но и в нескораемых рукописных буквах русских законов, которые навсегда отменяли языческие институты «многожёнства», «самосуда», «кровной мести» и другие законодательные и традиционные пороки дохристианской старой эры²⁴. В этом контексте интересен тот таинственный факт, что в «Русской Правде» согласно христианской заповеди «не убей» концептуально не нашло места положение об уголовном наказании преступника в виде смертной казни. Правда, некоторые из арабских рукописных первоисточников свидетельствуют, что в реальной жизни «русы» обрекали убийц, поджигателей и воров не только на «поток и разграбление», но также нередко нещадно казнили неисправимых воров через повешение. Однако, как нам представляется, эти факты свидетельствуют лишь о том, что «русы», по понятным причинам, не могли сразу и полностью избавиться от своих языческих обычаев и привычек делать всё по-своему, иногда с точностью до наоборот.

«Не следует проливать кровь того, кто причинит нам зло, – говорил Владимир Мономах, – но тремя добрыми делами можно избавиться от врагов и победить их: покаянием, слезами и милостыней. Властитель должен быть прежде всего человеком. Ему надлежит помогать обездоленным, чтить старых, остерегаться лжи, пьянства и других пороков, не свирепствовать, не хулить в беседе, избегать суеты и т.д. Обращаясь к своим детям-князьям, Владимир Мономах неоднократно призывал их не лениться, но быть великими тружениками, самолично за всем наблюдать в своём доме, не полагаясь на тиуну, ...будучи на войне, не надеяться на воевод, самим наряжать сторожей, самим расставлять ночью стражу и спать среди воинов. ...Он говорил своим детям: чего умеете доброго, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, приводя им в пример своего отца Всеволода Ярославовича, который знал пять языков и оттого и честь имел от иных земель. ...Он призывал чтить епископов, попов и игуменов, не устраняться от них, а с любовью принимать от них благословение и по возможности заботиться о них, ...прославлять Бога и творить мужские дела»²⁵.

²³ См. подр.: *Осиян Б.А.* Дух правометрии, или основание межерологии права. М., 2009.

²⁴ См.: *История государства и права России. В документах и материалах.* Мн., 2005. С. 9.

²⁵ *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII в. М., 2003. С. 51–52.

В «Русской Правде» чётко определялись взаимоотношения духовной и светской власти, церкви и государства, упорядочивалась деятельность духовных органов национального управления, в частности, деятельность церковных судов. Так, например, в Уставе князя Владимира устанавливалось то, что князь регулярно отдаёт в пользу церкви десятую часть своих доходов «церковную десятину» от использования земли, скота, домов, взимаемых торговых пошлин и т.д. Устав уполномочил духовных лиц осуществлять высший контроль и надзор над торговыми мерами и весами, духовной безопасностью мирян, определял юрисдикцию церкви в сфере рассмотрения преступлений против христианской православной веры, допущенных языческих обрядов, практикующегося колдовства и чародейства, нарушения святости семейно-брачных отношений, особенно если субъектами этих отношений являлись воцерковлённые русские люди.

Как справедливо отмечает В.А. Томсинов, на Руси довольно рано осознали высокую ценность права в общественной жизни. Оно мыслилось в русском обществе не только в качестве орудия управления, инструмента для поддержания порядка, но и в виде средства воспитания и спасения души. Это представление о праве хорошо выражало понятие «правда», которое со времени Ярослава Мудрого стало всё чаще использоваться в качестве замены понятию «закон». Впрочем, и последнее употреблялось более для обозначения нравственно-религиозных заповедей, нежели для названия нормативного акта, изданного властителем²⁶. Иными словами, испокон веков закон на Руси никогда не был самоцелью и служил только средством для поддержания нравственного порядка в русском обществе и спасению души каждого верующего в Иисуса Христа русского и занимающегося на русской земле созидательным трудом иного богобоязненного человека. По мнению В.А. Томсинова, само законотворчество было для русского князя не правом, а обязанностью, возложенной на него Богом. Не случайно княжеские уставы начинаются, как правило, со слов: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». Возлагая на князя обязанность законодательствовать, Бог предписывал совершенно определённые рамки этой деятельности. Содержание издаваемого князем закона должно было соответствовать духу христианской религии, т.е. быть проникнуто милосердием и любовью. Согласно «Повести временных лет» этот христианский дух любви отразился в договоре Руси с Византией («Империей Ромеев») 912 г. Предписывая кары за нарушение правовых норм, русский законодатель исходил из идеи святости и абсолютного достоинства человеческой жизни и не предусматривал смертной казни в качестве меры наказания²⁷.

По Уставу князя Ярослава церковный суд был отделён от светского суда, а исполнение приговоров церковной власти отныне поручалось представителям светской власти. Таким образом, с самого начала образования

²⁶ См.: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 58.

²⁷ См.: Там же. С. 54–55.

русского государства одновременно с духовным преображением и возвышением происходил также вялотекущий и поэтапный процесс духовной порчи и нравственной деградации русского народа. Эти противоречивые процессы в основном были обусловлены тенденциями более позднего принципиального разделения духовной и светской власти и вытеснения духовной власти властью государственной.

Имея изначально религиозно-духовную и нравственную почву под собой, «Русская Правда» устанавливала определённую очередность возврата долгов кредиторам по библейскому принципу любви к странникам²⁸: сначала удовлетворялись требования иноземцев или иногородних, затем – местных людей. При этом ростовщики-кредиторы, которые неоднократно взимали с должника проценты, ничего не получали²⁹. Представляется, что именно такой милостивый, великодушный, щедрый, поистине христианский подход к решению подобных вопросов испокон веков сделал Русь действительно великой и привлекательной для предприимчивых иностранцев страной, которая не только и не столько грубой силою, сколько Христовой любовью сплотила вокруг себя многие ближние и дальние племена, нации и народы.

«Русская Правда» упорядочивала отношения, связанные с правом собственности и наследования. Например, ст. 91 пространной редакции «Русской Правды» гласит, что если боярин не оставит после себя сыновей, владения его переходят не в казну, а к дочерям. Такая правовая установка указывает на то, что к тому времени бояре считались абсолютными собственниками своих владений. По всей видимости, бояре пользовались рабским трудом меньше, нежели удельные князья. Большую часть собственной земли они сдавали в аренду, иногда оставляя небольшую её долю себе для непосредственного использования её холопами или арендаторами, которые в качестве компенсации отработывали ренту, т.е. «боярщину», или «барщину». Более крупные поместья наподобие княжеских хозяйств управлялись штатом домашней прислуги и потому богатые бояре были практически суверенными правителями.

В то же время в гражданско-правовых отношениях «русы» не сразу осознали и признали принцип равенства абсолютного достоинства души каждого человека. Например, за совершение холопом кражи к правовой ответственности привлекался не сам холоп, а его хозяин, который «платил вдвойне вознаграждение потерпевшему истцу», поскольку холоп не считался самостоятельной, свободной и полноценной личностью, которая вменяема и ответственна перед Богом, народом и государством по достоинству богообразного и богоподобного создания³⁰.

²⁸ Библия. Ветхий завет. Книга Иова, 31:32; Новый завет. 1 Петра, 4:12.

²⁹ История государства и права России. В документах и материалах. Мн., 2005. С. 14.

³⁰ См.: Там же. С. 13.

Гражданские правоотношения в «Русской Правде» имели свои отличные от римского частного права особенности. Например, русский закон допускал продажу злостного неплательщика долгов в рабство. Русский закон также считал неправомерным бесмысленное, т.е. не за дело, а под пьяную руку, избиеение господином своего закупа. За совершение такой безрассудной жестокости к человеку законодательно устанавливался серьёзный штраф, называемый «платежом»³¹. Если же господин прикрывал своего холопа, виновного в обиде свободного человека, то за это отвечал уже сам господин и выплачивал штраф в размере двенадцати гривен³². Устанавливалось также общее правило не ссылаться при судебном разрешении тех или иных споров на показания и представленные доказательства холопа, который законодательно не воспринимался как полноправное лицо. Тем не менее показания холопа, данные в процессе судопроизводства, могли стать поводом для дополнительного допроса свободного человека и проверки его показаний под присягой или испытанием железом³³.

По русскому праву, в случаях пропажи вещей обычно проводилась процедура «заклича», т.е. публичной огласки на торговой площади о факте пропажи вещи с надеждой на то, что нашедшие эту вещь люди вернут её собственнику или сообщат об украденной вещи. Если кто-то покупал краденную вещь, а потом выяснялось, что она была украдена у кого-то, то покупатель обязан был публично доказать на «своде», что он приобрёл её добросовестно, не зная о совершённой краже, а также прямо указать на продавца этой украденной вещи. Немаловажную роль при этом играли свидетельские показания заслуживающих доверия «видоков» и «послухов», т.е. очевидцев и тех людей, которые знали об обстоятельствах дела понаслышке. Показания двух свидетелей «доброй славы» или «мытника», сборщика торговых пошлин, могли оказаться основанием для признания достаточности доказательств относительно достоверности показаний добросовестного покупателя. В случае отсутствия свидетелей применялась процедура «поля» или «ордалии». На Руси издревле предполагалось, что Бог всегда помогает побеждать тем, чьё «дело правое» и что «правый» человек выдержит любое испытание на своём пути к спасению в вечной жизни. Другими видами дополнительных неординарных доказательств – «Божьего суда» были испытания железом и водой («ордалии»), а также присяга, или «рота», т.е. показания лица, говорящего истину.

За убийство мужчины «Русская Правда» устанавливала штраф размером в сорок гривен, а за убийство свободной женщины устанавливался штраф в двадцать гривен, т.е. в половинном размере³⁴. Тем самым русский

³¹ См.: История государства и права России. В документах и материалах. С. 15.

³² См.: Там же. С. 15.

³³ См.: Там же. С. 16–17.

³⁴ См.: Там же. С. 17.

закон отражал библейское положение об иерархическом предопределении и главенстве мужчины в семье и обществе в целом. Однако взрослые женщины имели нравственное и правовое превосходство в отношении к своим совершеннолетним сыновьям. К примеру, если сыновья женщины проявляли неблагодарность к ней, то женщина-наследодатель была вправе передать своё имущество дочери, которая питала к ней естественное дочернее уважение и надлежало заботиться о ней, хотя в первую очередь по закону обычно наследовали сыновья, и отцовский двор всегда без раздела обычно передавался младшему сыну³⁵. Как видим, при наследовании имущества утверждалось не только половое превосходство мужчин как кровных продолжателей отца семейства, но также духовная преемственность наследуемого имущества по завещанию – последней правомерной воле наследодателя, которая могла отменить постановления закона.

В семейном праве устанавливалась моногамия, обязательная церковная регистрация брака, рождения и смерти, усложнённая процедура разрешения бракоразводных дел, бесправие или неполное равенство внебрачных детей, переход отцовского двора в наследство к младшему из сыновей. Брачный возраст определялся для женихов в четырнадцать–пятнадцать лет, а для невест – в двенадцать–тринадцать лет. По русскому закону в права наследования не вступали незаконнорождённые дети от рабы-наложницы. Овдовевшая супруга также не имела права произвольно передавать оставшееся ей в наследство имущество своему новому мужу. Русский закон категорически запрещал вступление в брачные отношения представителям различных религиозных конфессий, а также всячески ограничивал право супругов на расторжение богоданных брачных уз.

«Русская Правда» рекомендовала господам не продавать своих холопов³⁶ за их долги, но делать всё возможное для того, чтобы должники своим добросовестным трудом смогли освободиться от своих долговых обязательств. Она также запрещала заведомо незаконную покупку чужого беглого холопа под угрозой потери незаконнополученным покупателем уплаченных за беглого холопа денег³⁷. Так же обстояло дело с покупкой краденой вещи³⁸. Согласно ст. 52 и 53 закона можно было продать в рабство лицо, умышленно и многократно бравшее в долг и ставшее таким образом на путь злостного мошенничества³⁹.

³⁵ См.: История государства и права России. В документах и материалах. С. 19.

³⁶ Русское слово «холоп» происходит от польского слова «хлоп», т.е. бесправный сельский житель.

³⁷ См.: История государства и права России. В документах и материалах. С. 20–21.

³⁸ См.: Там же. С. 20.

³⁹ См.: *Цечоев В.К., Власов В.И.* Указ. соч. С. 153.

В «Русской Правде» понятия «правонарушения» и «преступления» обозначались такими словами, как «протор», «пагуба», «обида», «беда», «сором», «срам», «несчастье», т.е. как выходящее за всякую меру губительное, вредное, причиняющее нравственное и душевное расстройство и ссоры нарушение идеи права и писаного закона, влекущее за собой необходимость привлечения к личной (уголовной) ответственности и наказания. Мерами наказания (наставления, поучения, исправления) служили строгие внушения виновного правонарушителя и принуждение его полностью восстановить нарушенное публичное и частное право и возместить причинённый каждому человеку и обществу ущерб. В качестве более сурового наказания законом предусматривалась также полная изоляция (отлучение) злостного преступника от остального благонравного и законопослушного народа, либо полное физическое устранение его как действующего субъекта права. Все обвинения в совершении того или иного преступления предъявлялись правоохранными органами публично перед свидетелями и под открытым небом как бы перед очами самого Господа Бога.

Поскольку «Русская Правда», сотворённая по христианскому принципу «не убей», не содержала в себе такого неправомерного способа нарушения воли Бога, как умышленное и насильственное убийство совершившего тяжкое преступление человека, т.е. «смертную казнь», то высшей мерой уголовного наказания наиболее дерзких злоумышленников и преступников являлся так называемый «поток и разграбление», т.е. полная конфискация награбленного ими имущества и обращение их в состояние пожизненного рабства. Такая высшая мера уголовного наказания применялась в исключительных случаях как форма и способ полного юридического отрицания врождённого богообразия и богоподобия, злостных убийц и грабителей, публично-юридического непризнания их богоданного и потерянного ими человеческого достоинства и чести.

В «Русской Правде» содержалась также разработанная система и градация преступлений по степени их противоправности, общественной опасности и тяжести последствий. Помимо убийства при отягчающих обстоятельствах, особо опасными преступлениями считались поджог, «татьба», конокрадство, поскольку заповедь «не кради» прямо входила в ветхозаветные «десять заповедей» Священного Писания. Следует напомнить, что в те времена на Руси конь почитался основным орудием производства и защиты от неприятелей и потому являлся особо охраняемым государством и законом объектом. Была также установлена система «двойной ответственности» подневольных правонарушителей: за преступления, совершённые холопом, отвечал также и его хозяин. А если преступник не был застигнут врасплох на месте преступления, но следы преступления явно вели в общину («вервь»), которой он принадлежал, тогда за его преступление – «лихое дело» коллективно отвечала вся «вервь»: род или семья, которые обычно состояли из трёх поколений.

Что касается такого уголовно-правового института, как соучастие, то соучастники совершенного преступления наказывались в равной мере

независимо от степени их участия и признанной ими личной вины в содеянном. Однако при назначении уголовного наказания суд всё же учитывал форму вины преступника: прямой умысел обычно рассматривался как существенный фактор, отягчающий меру наказания за совершённое противоправное и опасное деяние; в свою очередь, косвенный умысел оценивался судом строже, нежели проявленная преступником преступная самонадеянность или неосторожность. При назначении вида и размера уголовного наказания учитывались также посткриминальное поведение и отношение преступника к своему противоправному поступку, его чистосердечное и деятельное раскаяние, ведущее к пожизненному покаянию.

Все нетяжкие преступления, не связанные с совершением убийства, разбоя, грабежа, поджога, уничтожения межевых знаков и т.п., пресекались посредством материального ущемления или «продажи» виновного лица. Преступники в этих случаях наказывались штрафом, соразмерным со степенью противоправности (противности воле Бога), степенью общественной опасности и тяжести нравственных, душевных, физических и материальных вредных последствий совершённого преступления.

Видами наказания за совершение уголовных преступлений по русскому закону могли стать также «продажа», которая представляла собой уголовный штраф в пользу князя, «вира», или «головничество» в виде возмещения вреда потерпевшему, или «дикая вира», которую выплачивала вся вервь в случае неудачных попыток личного задержания преступника на месте совершения преступления, нахождения и разоблачения его. В качестве наказания к преступникам применялся также «урок», представлявший собой нечто вроде дани или стоимостного эквивалента украденной вещи, которые выплачивались пострадавшему от преступления лицу или его близким родственникам. Следует особо подчеркнуть то, что в преступлении, совершённом против потерпевшего, сознавалась и признавалась нравственная и правовая «обида», нанесённая правонарушителем всему обществу, государству и правопорядку, и именно такая правомерная законодательная установка возводила защиту потерпевшего из ранга сугубо частного дела в ранг приоритетной общенародной и общегосударственной обязанности.

По справедливому мнению В.О. Ключевского, «Русская Правда» представляла собой свод церковного (канонического) права, творение рук церковного кодификатора, её «текст сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой руководствовался составитель Правды в своей работе»⁴⁰. Именно по этой причине её положения больше применялись в церковных судах, нежели в княжеских судах, которые практиковали институты свободного поединка «поля», судебной клятвы «роты» и другие языческие обычаи. По

⁴⁰ См.: Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. М., 1987. С. 219.

мнению Б.А. Рыбакова, «Русская Правда» представляла собой не застывший свод христианских законов, а постоянно расширяющийся круг юридических установлений и правоположений⁴¹.

Справедливости ради надо отметить, что на процессы формирования христианского правосознания русского народа в той или иной мере повлияли также революционные преобразования Папы Римского Григория VII, которые начались в 1075 г. посредством провозглашения диктатов, переросших в 1122 г. в Вормский конкордат⁴². По этому документу римский епископ получил право низлагать светских императоров, его решения не подлежали отмене, а он мог отменить любое решение любого правителя⁴³. В трактатах средневекового юриста И. Грациана «Согласование несогласованных канонов» 1150 г. постулировано: «Императорский закон не выше закона Божьего, но подчинён ему. Церковные законы и добрые обычаи не могут быть отменены по решению императора»⁴⁴.

Многие современные учёные правоведы⁴⁵ справедливо полагают, что каноническое (церковное) право, в том числе и древнерусское право, стало прообразом для современных правовых систем европейских государств. По мнению французского правоведа Н. Рулана, каноническое право и библейские положения стали основополагающими для государственного строительства европейских правителей⁴⁶. Рецепция римского права была начата не королями или государями, а Римским Папой посредством его декретов и законов, первоначальной подготовки в XI в. профессиональных юристов в ранних европейских университетах Болоньи и Парижа.

По мнению русского мыслителя С.А. Котляревского, христианская «церковь в гораздо большей степени, чем государство в Средние века, является носителем римской правовой традиции; сколько раз церковные учреждения и каноническое право служили образцами для государства»⁴⁷. Именно от греко-христианских теологов русская церковь и так называемая светская юриспруденция научились толковать духовные и производные от них юридические нормы, инкорпорировать и кодифицировать их. Священники русской церкви передавали начинающим русским светским юристам

⁴¹ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 410.

⁴² См.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 9.

⁴³ См.: Хрестоматия по истории государства и права. Т. 1: Древний мир и Средние века. М., 2003. С. 721.

⁴⁴ См.: Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. М., 1999. С. 249.

⁴⁵ См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 491.

⁴⁶ См.: Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005. С. 230.

⁴⁷ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. СПб., 2001. С. 175.

также навыки догматического восприятия и единообразной реализации норм государственного законодательства в Новое время.

Традиционный дух русского права, или «Русской Правды» показывает, что идея национального права представляет собой не отвлечённый и устаревший, но постоянно обновляющийся и действующий образ реальной истины, блага, красоты, справедливости, суда и правосудия, на чём и для чего созидалось и развивалось Российское государство.

На основании изложенного представляется, что святое и благоговейное отношение к объединяющему и цивилизовывающему духу русского права и к правомерным государственным законам, а также единообразное их понимание, толкование и применение необходимы в наше время ничуть не меньше, нежели в прежние времена. В этом смысле полученные от духовных лиц и священнослужителей, а также усовершенствованные современными правоведами духовно-правовые понятия, обновлённые, но непреодолимые канонические ценности, цели, знания и практические навыки для поддержания стабильного, но устремлённого в лучшее будущее социального правопорядка в России сохраняют свою чрезвычайную актуальность и поныне.

Материал поступил в редакцию 14.03.11.